

— Хорошо. Я начну. Хм... кино!

Он огляделся по сторонам, и, заметив, что по телевизору шёл фильм, назвал его. Ха Ныль тут же подхватил слово.

— Но? Злой папа!

Игра в слова с пятилеткой разрушала почти все правила.

— Па... Не знаю. Папа проиграл.

— Я так и знал, что выиграю!

Ха Ныль гордо расправил грудь, а потом, словно великодушно, добавил:

— Давай снова ты первый. Я уверен, что выиграю, так что дам тебе фору.

— Хорошо. Будет трудное слово. Бабочка!

— Чрезвычайная ситуация в детском саду!

— Обезьяна!

— И Ын Юль!

Ха Ныль, у папы имя Сон Ын Юль.

Ын Юль сдержал то, что хотел сказать, и притворился расстроенным.

— ...И снова проиграл.

Он поднял руки и покачал головой. Ха Ныль радостно забарабанил ногами. Потом они стали спорить, кто начнёт следующим, но вдруг — ш-ш-ш, пошёл дождь, и игра прервалась.

— С чего вдруг дождь? Ливень, что ли, — проворчала Лим Бон Су, выглянув на улицу и, не закрыв дверь, зашла обратно.

Прохладный шум дождя разливался в ушах Ын Юля, будто смывая его душное состояние.

— Папа, давай скорее играть в слова!

— Ладно. Хм...

Он глянул наружу и произнёс:

— Ливень.

Такое слово Ха Ныль сможет легко продолжить, а он всегда мог сказать, что снова проиграл. Потом можно будет закончить игру.

— Нь?

Пока мальчик немного думал, Ын Юль всё так же смотрел в окно. Перед пустым магазином не было ни одной припаркованной машины, и потому можно было подольше насладиться видом падающего дождя. Но внезапно одна машина юзом влетела во двор.

Когда он понял, что это та самая машина, которую видел вчера, пассажир уже вышел. Пока Ын Юль ошарашенно смотрел, как мужчина приближается, в его ухо ворвался крик Ха Ныля:

— Радость!

Игра в слова и появление Кан Ха Джуна в дверях странным образом переплелись и исчезли.

Пока Ха Ныль уснул в комнате, дождь прекратился. Ын Юль сидел рядом с Кан Ха Джуном. Так получилось из-за того, что они смотрели наружу, а не через стол, и потому лицами друг к другу не оборачивались. Для Ын Юля это было даже к лучшему.

Он проводил взглядом мокрую мостовую и сказал:

— Кто-то однажды сказал: даже среди живых людей есть те, кто подходит друг другу, а есть и те, кто нет.

Это был одинокий клиент, которому, видимо, хотелось поговорить.

— Говорят, если встретятся подходящие, их называют небесной парой. А если нет... то это приносит беду даже окружающим. Мол, судьбы сталкиваются и взрываются, потому что энергии не совпадают. По сути, просто дурная связь, но объясняли как-то слишком сложно.

С того момента, как появился Кан Ха Джун, мирная жизнь Ын Юля была разрушена. Может, всё это оправдания, но сейчас он не имел сил различать.

— Простите, но для меня вы — дурная связь. Поэтому...

Он отчётливо произнёс:

— Я хочу, чтобы вы больше не приходили.

Поднявшись, Ын Юль посмотрел на стол, за которым сидел Кан Ха Джун.

— Сегодня у меня и правда нет еды для вас. Простите.

Теперь, даже если тот снова придёт, он не собирался кормить его или беспокоиться, встречается ли он с депутатом Хан Чхоль Сыном или нет.

Рядом с Хён Чжэ Ха, подливавшем себе виски, легла длинная тень. Нам Гун Хёк плюхнулся рядом, и бармен сразу подал ему рюмку. Протянув руку через грудь Хён Чжэ Ха, он перехватил его стакан и плеснул в свой.

Он осушил подряд три рюмки виски безо льда, пока Хён Чжэ Ха не схватил его за запястье.

— Расстраиваюсь-то я, а пьёшь ты.

Нам Гун Хёку позвонили, спросили, что он делает, и он ответил, что Хён Чжэ Ха пьёт. Тот, похоже, не скрывал своего угнетённого настроения. Нам Гун Хёк спросил, что случилось, и услышал: Хён Чжэ Ха был отвергнут Кан Ха Джуном.

— Ты говорил, что он тебе нравится, и всё бросил ради него. А в итоге вот что. Разве не обидно?

Когда он увидел подавленное выражение Нам Гун Хёка, Хён Чжэ Ха отстранил его руку. Тогда тот сделал ещё несколько глотков подряд.

С детства он был близок к алкоголю, поэтому пьянел редко, но сейчас, похоже, крепкий виски пробил защиту. Глаза налились красным.

— Ты того засранца Кан Ха Джуна избил?

— Нет.

Хён Чжэ Ха вновь поднял стакан. Зато другой человек потерял самообладание. Сжав кулаки, Нам Гун Хёк сверкнул налитыми кровью глазами.

— Почему нет? Хочешь, я сделаю это за тебя? Я давно хотел размазать его дубиной»

Казалось, если Хён Чжэ Ха скажет «да», тот прямо сейчас вскочит и побежит. Его ноги уже касались пола.

— Хёк-а.

Хён Чжэ Ха медленно повернул голову. Движения были такими тягучими, что проще было бы самому встать и заглянуть ему в глаза. Когда наконец их взгляды встретились, волна злости стала стихать.

— Ты...

Нам Гун Хёк обшарил его лицо сложным взглядом. Взгляд холодный, будто со льдом, но выражение сухое, без единой влаги. И всё же он прекрасно понимал, что чувствует Хён Чжэ Ха.

— Я сам разберусь.

Хотя голос звучал спокойно, Нам Гун Хёк понял, что это было сдерживание. Он любил его и не отдал Кан Ха Джуну просто так.

— Ладно. Это твой выбор.

Это всегда было их личным делом. Ему не было места рядом... Он всё ещё любил Хён Чжэ Ха, но снова убедился, что не может быть рядом с ним. Во рту стало горько.

Нам Гун Хёк залил остатки сожаления ещё одной рюмкой крепкого виски. Так они и сидели, глядя каждый вперёд, пока не заговорил Хён Чжэ Ха:

— Расскажи лучше про себя.

— Про себя, значит...

Нам Гун Хёк покатавил вилкой виноградину по тарелке. С Сон Ын Юлем было то же самое: куда он катил — туда и катилось. Он говорил, что почему-то скрывал свой долг, а потом покорно стал отдавать. Не сбежал, не стал выкручиваться, но оставил странное чувство.

Виноградинка выскользнула и покати́лась. Сон Ын Юль похож на виноградину.

— Он и яичницу за двадцать миллионов вон ел, и вещи помог носить, но на уговоры перейти — не ведётся.

— Двадцать миллионов?

Хён Чжэ Ха недоумённо посмотрел. Нам Гун Хёк слегка кивнул.

— Да. Там была любовь и забота в каждом яйце...

Словно он принёс какие-то дорогие яйца редкой породы. А на деле — самые обычные, просто вкусные. Но взял за них баснословно дорого.

— Ты что, дурак?

Хён Чжэ Ха усмехнулся. Нам Гун Хёк тоже криво улыбнулся.

— Наверное. Повёлся, как лох.

Он поднял с пола укатившийся виноград и сунул в рот.

— Но вкусно было. У него рука лёгкая.

— По одной яичнице ты это понял?

Хён Чжэ Ха отобрал у него вилку и сам подал кусочек фруктов — чтобы тот не подбирал с пола.

— Ещё я пробовал его хечангук. Он сам бульон делал. Вкусный. И вообще, стал очень расторопным, поваром бы его взять.

— А тот повар, что был раньше?

— Кто? А, тот, что первое место на конкурсе взял? Уволил.

Нам Гун Хёк глянул на фрукт на вилке, потом съел. Сок приятно охладил горло после жгучего алкоголя.

— Ты всё-таки уволил его.

— Ты знаешь, насколько это для меня важно. Даже если о второй точке речи нет, хотя бы так, чтобы отец не пришёл закрывать заведение сам. Нужно быть готовым.

И Хён Чжэ Ха это знал лучше всех. Нам Гун Хёк всегда хотел жить легко и в удовольствие. Если это дело получится, он сможет уйти из прежнего бизнеса. Но всё вернулось к началу. Из-за яичницы за бешеные деньги?..

— Говоришь, переманить не выходит. И что теперь?

— Приведу его.

Нам Гун Хёк покрутил в воздухе пустую вилку.

— Завтра вещи будут собраны.

Даже если тот посмотрит с ненавистью, отказаться он всё равно не сможет.

— Он от меня не уйдёт.

— На какое-то время я перееду.

От внезапного решения Кан Ха Джун дедушка отложил газету и снял очки. Говорили, что внук вернулся домой, а первое, что он сказал, переступив порог комнаты, было это.

С тех пор как я привёл его в дом, он ни разу не говорил, что хочет жить отдельно. Даже когда я предлагал, мол, стал взрослым — может, пора съехать? — он отвечал, что особой нужды нет, и отказывался. Видно, теперь появилась причина.

— Когда собираешься съезжать?

— Как буду готов.

Кан Ха Джун подсел на пол рядом с дедом. Тот только что пролистал газету, значит, видел на первой полосе имя его отца, но внук поднял взгляд спокойно, безразлично. Уже по этому было ясно: его решение съехать никак не связано с отцом.

— Почему вдруг принял такое решение?

— Есть человек, которого я хочу пригласить к себе.

Взгляд деда тщательно изучил лицо внука. Ни спокойные глаза, ни ровное выражение не говорили о лжи.

— Ты же говорил, что с Чжэ Ха всё будет постепенно

.

— Это не Чжэ Ха.

Сказано было ровным голосом, но дед впервые не сумел скрыть удивления.

— Не Чжэ Ха?

— Да.

Кан Ха Джун прекрасно понимал, о чём думает его дед. До сих пор, пусть и на расстоянии, нить между ними с Чжэ Ха всё же сохранялась. А теперь он заявил, что всё окончательно разорвано.

<http://bllate.org/book/14449/1277820>